

Чжоу Цзыфэй не колебался ни мгновения. Лицо его мгновенно утратило всякую краску. Ринувшись вперёд, он с треском рванул шторку в сторону — и замер.

Шэнь Цзя, обнажённый по пояс, с закрытыми глазами беззвучно покоился на дне ванны, уйдя под воду с головой.

С глухим стуком колени Чжоу Цзыфэя обрушились на кафель. Упав подле ванны, он отчаянно протянул руки к Шэнь Цзя, не в силах оторвать взгляда от этого бледного, неподвижного лица — лица, которое, казалось, больше никогда не озарится той самой мягкой, чуть прищуренной улыбкой.

Вода была ледяной — настолько, что погружённые в неё руки Чжоу Цзыфэя мгновенно потеряли чувствительность.

— Шэнь Цзя... не надо...

Согнувшись над ванной, Чжоу Цзыфэй выкрикнул его имя дрожащим, сорванным голосом.

Намокшая ткань коротких рукавов прилипла к плечам. Он попытался подхватить лежащего на дне человека: от страшного допущения сердце сжалось в ледяном ужасе.

Его любимый лежал под водой без движения, и весь мир вокруг медленно рушился.

И именно в этот миг выражение лица Шэнь Цзя изменилось. Тонкие брови едва заметно дрогнули, а из ноздрей выскользнула цепочка мелких пузырьков воздуха.

Зрачки Чжоу Цзыфэя расширились. Он почти по пояс погрузился в воду, отчаянно обхватил истощённую талию и выхватил тело из ледяного плена.

— Кха! Кха-кха!

Шэнь Цзя зашёлся мучительным, заходящимся кашлем. Сознание оставалось туманным, тяжёлые веки не размыкались, но он почувствовал, как его подхватили и крепко прижали к горячей, сильной груди.

Кто-то одной рукой мягко поглаживал его по спине, а другой бережно поддерживал за лицо.

Это прикосновение было исполнено невероятной нежности, но при этом держали его крепко, не оставляя и щели для холодного воздуха. Не открывая глаз, Шэнь Цзя тяжело, прерывисто дышал, прижавшись щекой к чужой груди.

Упругие мышцы, сильное, размеренное биение сердца... и ещё кое-что.

Ледяные капли, упавшие на его щеку.

— Шэнь Цзя... Шэнь Цзя, ты меня слышишь? Ты в порядке?

Знакомый голос неустанно звучал над самым ухом, и в нём пробивались сдерживаемые, рвущие душу навзрыд слезы.

Пальцы осторожно смахнули влагу с уголка его глаза. Чувствуя шершавые мозоли и тепло, исходившее от подушечек, Шэнь Цзя невольно уткнулся лицом в чужую ладонь, ища защиты и утешения.

Чжоу Цзыфэй замер. Едва дыша, он прижал ладонь к мягкой щеке Шэнь Цзя, не смея шевельнуться.

У Шэнь Цзя было совсем маленькое лицо с островатым подбородком. И хотя мягкие линии челюсти сглаживали излишнюю резкость, обтянутые кожей кости вызывали лишь щемящую боль в груди.

За те годы, что он провёл с Юй Сянханом, ему явно приходилось несладко. При своём не самом маленьком росте, прижавшись к Чжоу Цзыфэю, он казался совсем крошечным — словно бездомный котёнок, свернувшийся в клубок.

Но что окончательно разрывало Чжоу Цзыфэю сердце и заставляло внутренности гореть огнём — это шрамы, испещрившие верхнюю часть тела Шэнь Цзя.

Чуть ниже прямых, выпирающих ключиц тянулись два темно-красных рубца толщиной в палец и длиной почти в две ладони. Один рассекал грудь ровно посередине, второй шёл по диагонали справа налево, совсем рядом с сердцем.

Оставалось совсем немного — буквально считанные миллиметры, — и этот порез задел бы едва бившееся сейчас сердце.

Чуть ниже рубцов, на боку, темнел неровный темно-коричневый шрам, уходивший к самому пупку. Чжоу Цзыфэй уже видел подобные отметины — так заживают тяжёлые ожоги.

А обе руки Шэнь Цзя, согнутые перед грудью и прижатые к Чжоу Цзыфэю, от предплечий до самых плеч были покрыты густой сетью мелких порезов и круглых шрамов от потушенных сигарет.

Белоснежная, гладкая от природы кожа оказалась изуродована следами многолетних

истязаний.

Только теперь Чжоу Цзыфэй с истерпывающей, жестокой ясностью понял, отчего в прекрасных, привыкших улыбаться глазах Шэнь Цзя всегда таилась серая, выматывающая тоска. Отчего даже в день свадьбы с Юй Сянханом его невольная улыбка была пропитана печалью, похожей на затяжную осеннюю морось.

«Пришлось ли тебе пройти через такую боль и отчаяние, которых не ведал никто другой?

Неужели каждый вечер перед сном ты считал свои шрамы и думал с горькой обидой: почему именно я?»

Чжоу Цзыфэй сжал объятия сильнее. Сгорбившись, он всем телом прижал Шэнь Цзя к себе, грудь к груди, пытаясь своим теплом согреть это застывшее, хрупкое тело.

Вспыхнул шум голосов:

— Боже мой, что... что случилось?!

— Скорее, звоните в скорую! Зовите врача!

— Молодой господин Чжоу, нужно срочно везти его в больницу! Да что же здесь произошло?!

От какофонии криков угасающее сознание Шэнь Цзя вновь на мгновение прояснилось. С трудом разомкнув веки, он первым делом увидел яркие красные волосы.

Они казались такими теплыми и мягкими.

Шэнь Цзя захотелось прикоснуться к ним. Дрожащее запястье приподнялось, но, не успев дотянуться, бессильно опало.

— Шэнь Цзя, я везу тебя в больницу. Всё будет хорошо, слышишь? Потерпи ещё немного, умоляю.

Чжоу Цзыфэй перехватил его ослабевшую руку и прижал к своей шее, пытаясь согреть влажные пальцы. Голос его вновь обрел твёрдость — ровный, глубокий и исполненный нежности. Казалось, что бы ни произошло, для него это не имело значения, будто он был неколебимо уверен: с Шэнь Цзя всё обязательно будет в порядке.

Едва Чжоу Цзыфэй собрался поднять его, как пальцы Шэнь Цзя слабо потянули его за прядь волос у самого уха. Губы больного едва заметно шевельнулись. Чжоу Цзыфэй тут же склонился

ниже и слышал тихий, едва различимый шепот:

— Не... не держи меня... Я... я грязный...

Проговорив это, Шэнь Цзя слабо затрепыхался и попытался закрыться руками, будто стремясь спрятать свои уродующие шрамы.

Его затуманенный разум едва смутно фиксировал, что перед ним кто-то знакомый, но кто именно — разобрать не мог. Все воспоминания слились в сплошную кашу, оставив лишь ввевшуюся в сознание мысль: его шрамы уродливы, отвратительны и грязны.

Чжоу Цзыфэй и представить не мог, что пара простых слов способна вдребезги разорвать ему сердце. Дыхание перехватило, и он с трудом подавил рванный, отчаянный навзрыд.

Подхватив Шэнь Цзя под колени и прижав за плечи к своей груди, Чжоу Цзыфэй поднялся на ноги.

Он припал губами к влажной макушке Шэнь Цзя и, больше не скрывая порыва искренней любви и трепета, хрипло прошептал:

— Ты не грязный.

— Ты самый чистый на свете.

Широким шагом выйдя из ванной комнаты, он на ходу сгреб с дивана в гостиной случайно брошенную куртку и накинул её на обнажённый торс Шэнь Цзя.

На улице стоял полдень. Яркое солнце палило вовсю.

Чжоу Цзыфэй прикрыл глаза Шэнь Цзя ладонью, защищая их от вспыхнувшего слепящего света.

Навалившийся зной принёс долгожданное тепло, и Шэнь Цзя, погружившись в привычную тьму, снова закрыл веки. На него накатила тяжелая дремота.

Свободный от боли, сквозь пелену забытья он чувствовал лишь одно: человек, несший его на руках, ни на секунду не ослаблял объятий. Он непрестанно гладил его по волосам и повторял тихим, баюкающим шепотом: «Всё хорошо. С тобой всё обязательно будет хорошо».

Это чувство — ощущение, что его искренне и бережно берегут — убаюкало Шэнь Цзя, увлекая в сон.

В воображении всплыл тесный, душный подвал. Шэнь Цяньлун приближался к нему с жутковатой, искривленной ухмылкой на лице. Шэнь Цзя забился в самый угол, но бежать было некуда.

Затем кто-то с силой распахнул тяжелую дверь, и из проема хлынул ослепительный, спасительный свет. В Шэнь Цзя вспыхнула отчаянная надежда, и он изо всех сил бросился к этому свету.

Перед ним встал силуэт в школьной форме — парень с короткой стрижкой. Он бросил в темноту:

— Ещё раз увижу, что задираете Шэнь Цзя — переломаю кости каждому!

Парень повернулся, расквашенный нос и синяки не мешали ему улыбаться. Он спросил, все ли в порядке.

А потом чьи-то пальцы крепко сжали его руку. Раздался тихий, уверенный голос: «Шэнь Цзя, отныне я буду защищать тебя». Невероятный покой омыл душу, и Шэнь Цзя столь же крепко сжал чужую ладонь.

Они шли вперёд вместе, но внезапно ладонь Шэнь Цзя опустела. Сверху донесся ледяной голос:

— Шэнь Цзя, быть с тобой — сплошная обуза.

Подняв голову, он увидел Юй Сяньхана. Тот нависал над ним с насмешливой, презрительной миной, движения его были грубыми и бесцеремонными.

В ужасе Шэнь Цзя попытался оттолкнуть его, но все образы рассыпались прахом, оставив его в абсолютной тьме.

Вдруг горло пережала чья-то невидимая хватка. Появилось тошнотворное ощущение инородного тела, желудок скрутило спазмом, подступила дикая, выворачивающая наизнанку тошнота.

Шэнь Цзя резко распахнул глаза. Он лежал на боку, а врач в медицинской маске проталкивал ему в пищевод длинную гибкую трубку.

В трубку хлынул поток воды из огромного бака. Шэнь Цзя забился, пытаясь вырваться, но его руку крепко удерживали в горячей ладони. Он мог лишь беспомощно мычать, с ужасом глядя на то, как вода гуляет по прозрачному шлангу.

Когда сознание снова начало уплывать, к его влажному от пота лбу прикоснулась прохладная, слегка дрожащая ладонь. Над самым ухом раздался прерывистый, ласковый шепот:

— Потерпи... потерпи немного, малыш, скоро всё закончится, совсем скоро!

— Не бойся, сокровище, я рядом, я с тобой. Будь умницей... доктор сделает всё очень аккуратно...

Шэнь Цзя обессиленно и медленно смежал веки. Белый свет лампы под потолком расплывался, круги света то расширялись, то сжимались.

По бледным щекам смешивались холодный пот и катившиеся из глаз прозрачные слезы, оставлявшие четкие дорожки на бескровной коже.

И только сейчас до него дошло раскаяние.

Горечь оттого, что он проглотил эти двадцать четыре таблетки снотворного.

Горечь оттого, что он слишком поздно понял: Юй Сянхан ушёл безвозвратно, и единственным упрямым глупцом, продолжавшим ждать, оставался он сам.

«Жив ли ты, мёртв ли — какая разница?»

И все же... солнечный свет в этом мире был таким теплым, таким ослепительным. Он ведь так мало его видел.

Шэнь Цзя сжал влажную от пота ладонь своего спасителя, и тот ответил крепким, уверенным пожатием.

Он не хотел умирать. Не хотел выпускать эту руку. Он отчаянно хотел узнать — кто же этот человек?

— Восемь часов никакого питья и еды. На первые дни — только прохладная жидкая пища. К нормальному рациону можно вернуться дня через три, но строго без острого и раздражающего.

— Хорошо, спасибо, доктор... А если ему станет совсем плохо? Ну, если снова вырвет, как при промывании, или больно будет...

— Боль в горле, жжение в желудке — это нормальные последствия. Тошнота и позывы к рвоте тоже. Если поднимется высокая температура или появится кровь в рвотных массах — сразу звоните меня.

Мужской и женский голоса звучали глухо и отстраненно, а затем послышались удаляющиеся шаги и тихий щелчок закрывшейся двери.

Ресницы Шэнь Цзя дрогнули, и он медленно открыл глаза. В глазах стояла сушь, а в горле всё ещё саднило отвратительное ощущение инородного тела.

Шаги приблизились. Шэнь Цзя с трудом повернул голову — и увидел лицо, которое с одной стороны стало полной неожиданностью, а с другой... словно он подсознательно знал, что это именно он.

— Учитель Шэнь, вы проснулись?

В голосе Чжоу Цзыфэя промелькнула радостная вспышка. Голос звучал ровно так, как запомнилось Шэнь Цзя — слегка хрипловато.

Красные волосы растрепались, брови сдвинулись к переносью, а в резких, обычно суровых глазах сквозила мягкая, щемящая печаль. Намокшая от груди до самого низа футболка так и не высохла.

Шэнь Цзя попытался сказать хоть слово, но в пересохшем горле не рождалось ни звука.

— Вам сейчас тяжело говорить, главное — отдыхайте.

Чжоу Цзыфэй прежде всего прикоснулся ладонью к его лбу. Убедившись, что кожа лишь чуть прохладная и влажная от пота, он облегчённо перевёл дух, взял ватную палочку, смочил её водой и бережно провел по иссушенным губам Шэнь Цзя.

После процедуры промывания лицо Шэнь Цзя смотрелось отечным, бледным и измождённым.

Опасаясь, что тот простудится, Чжоу Цзыфэй вытер сухим полотенцем его мокрые от воды и пота волосы и аккуратно обернул их. Сам Шэнь Цзя был укутан в одеяло от подбородка до пяток, словно в кокон; наружу торчала лишь левая рука, к которой тянулась трубка капельницы.

В голове Шэнь Цзя роились сотни вопросов. Как Чжоу Цзыфэй отыскал его? Как успел спасти? И почему... почему он назвал его «малышом» и «сокровищем»?

Но сил не оставалось вовсе. Едва перекинувшись взглядом с Чжоу Цзыфэем, он вновь

провалился в тяжелый, беспамятный сон.

Когда Шэнь Цзя в следующий раз пришёл в себя и открыл глаза, за окном уже брезжил рассвет — край неба затянула бледная, словно рыбий животик, полоса. Наступило утро следующего дня.

Шэнь Цзя слегка шевельнул пальцами: капельницу уже сняли, обе руки покоились под одеялом. Во всём теле разливалось уютное тепло, губы больше не сохли, лишь в горле сохранялась тупая боль.

Оглядев палату, он замер.

Комната оказалась просторной: здесь стояли диван, холодильник, письменный стол и даже раскладная кровать для сопровождающего.

Именно на ней, повернувшись на бок, спал Чжоу Цзыфэй. С его ростом под метр девяносто кровать, хоть и не самая маленькая, казалась тесной для широкоплечего, длинноногого мужчины.

В груди Шэнь Цзя сплелся сложный узел чувств. Он долго, не мигая, разглядывал это молодое, красивое лицо.

Чжоу Цзыфэй положил руку под голову, укрывшись лишь уголком одеяла. Густые брови были слегка сдвинуты, внешние уголки глаз покраснели, под глазами залегли темные тени, а тонкие губы сжались в узкую черту — сон его явно нельзя было назвать спокойным.

Стоило Шэнь Цзя ощутить странное, неопределимое чувство узнавания, как Чжоу Цзыфэй, будто повинувшись чутью, внезапно распахнул глаза.

Их взгляды встретились.

Шэнь Цзя не успел отвести взор, застигнутый врасплох этой черной, пронзительной глубиной. Находясь под прицелом этого темного взгляда, он лишь растерянно смотрел на Чжоу Цзыфэя.

Первым опомнился Чжоу Цзыфэй. Заметив, что Шэнь Цзя очнулся, он тут же поднялся, растирая затекшие виски, и поспешил к койке.

— Учитель Шэнь, как вы себя чувствуете? Где-нибудь болит?

Шэнь Цзя беззвучно покачал головой. Чжоу Цзыфэй налил в стакан тепловатой воды и вставил соломинку.

— Вот, теперь вам уже можно пить. Хотите немного поесть чуть позже?

Он бережно приподнял Шэнь Цзя, дав ему опереться о свое плечо, и поднес стакан к его губам.

Шэнь Цзя не стал отказываться. Перехватив губами трубочку под пристальным взглядом Чжоу Цзыфэй, он сделал пару глотков, но тут же понял, что переоценил свои силы.

Несмотря на мучительную жажду, даже малейшее глотательное движение отозвалось режущей болью в пищеводе, а в желудке словно перекатывались тяжелые булыжники. Сделать вышло всего пару глотков, и он отпустил соломинку.

— Всё ещё больно? Тогда пока не будем с едой. Отдохните ещё, а я схожу к врачу, узнаю, можно ли чем-то помочь.

Увидев, как Шэнь Цзя, еле прикоснувшись к трубочке, сдержал судорожный вдох и отстранился, Чжоу Цзыфэй тревожно нахмурился.

Но едва он вознамерился подняться, как Шэнь Цзя слабо потянул его за край футболки.

— Что такое?

Чжоу Цзыфэй обернулся, снова присел на край кровати и терпеливо наклонился ниже, готовясь слушать.

Из уст Шэнь Цзя вырвался лишь едва слышный, сиплый звук:

— И...

С тихим вздохом Чжоу Цзыфэй мягко улыбнулся. Нагнув голову, он посмотрел на него с нежной искоркой в глазах.

— Учитель Шэнь, вы только проснулись — и первым делом спрашиваете про этого мальчишку?

— Не волнуйтесь за него. Я ещё вчера ему всё объяснил: сказал, что Учитель Шэнь не домогает и вовсе не хотел нарушать обещание насчет океанариума. Сказал, что он уже взрослый парень, должен быть великодушным и не смеет дуться на Учителя Шэнь из-за этого.

Говоря это, он аккуратно подоткнул одеяло и, глядя на лежащего перед ним человека, уставившегося на него влажными глазами, тихо добавил:

— Учитель Шэнь — самый лучший. В сердце Чжоу Цзяи вы стоите на первом месте сразу после

папы с мамой.

Голос Чжоу Цзыфэя звучал убаюкивающе мягко. Из-за сна он слегка охрип и напоминал Шэнь Цзя бархатистый тембр из старого приемника, который когда-то стоял у него дома — надежный, теплый и спокойный.

Шэнь Цзя чутко уловил смысл, стоявший за этими словами: Чжоу Цзыфэй ничуть не изменил к нему отношения из-за вчерашней попытки суицида или уродливых шрамов.

В глазах Чжоу Цзыфэя Шэнь Цзя по-прежнему оставался тем самым «замечательным и очень особенным человеком».

Но неужели Чжоу Цзыфэю правда... совсем не любопытно?

Даже Юй Сянхан, впервые увидав эти шрамы, не смог скрыть во взгляде брезгливого замешательства.

— Учитель Шэнь, поспите ещё. Вы больны, и сейчас отдых превыше всего.

Чжоу Цзыфэй вдруг сделал шаг, выходящий за рамки обычного уважения: он накрыл ладонью глаза Шэнь Цзя. Прикосновение было до боли знакомым.

От горячей ладони до мелких мозолей и трепетной нежности.

Шэнь Цзя снова погрузился в темноту, но на этот раз ему до зареза хотелось чувствовать, что рядом кто-то есть. Может быть, близость смерти заставила его отчаянно нуждаться в чувстве безопасности, в крупице тепла, которая удержала бы его на плаву.

И потому он невольно повел пальцами по краю кровати, пока не наткнулся на руку Чжоу Цзыфэя.

Ладонь мужчины слегка вздрогнула, но не отстранилась. Шэнь Цзя не стал делать новых движений — просто оставил подушечки пальцев на его коже.

В палате воцарилась тишина. Лишь едва слышное дыхание нарушало это молчание — они больше не проронили ни слова.

Перед глазами Чжоу Цзыфэя всё ещё стоял недавний взгляд Шэнь Цзя — эти глаза, всегда светившиеся мягкой улыбкой, сейчас были полуприкрыты от слабости и полны пугливой, забитой тоски, от которой у Чжоу Цзыфэя щипало в носу.

Ему было невыносимо смотреть на этот разбитый взгляд, но, кроме как прикрыть его обессточенные глаза, у него не оставалось выбора.

Чжоу Цзыфэй не мог позволить себе сорваться при Шэнь Цзя или проявить слабость. Он хотел двигаться со скоростью самого Шэнь Цзя, шаг за шагом. Если он прямо сейчас обрушит на него всю свою бурю переживаний и заботы, Шэнь Цзя просто испугается.

А Шэнь Цзя ни о чём не думал. Он понимал, что между ними остаётся слишком много неоконченных вопросов, но в эту минуту не хотел размышлять ни о чём — только впитывать ту крупицу тепла, что проникала через кончики пальцев.

Мрак бездорожного беспамятства был слишком страшен. Вода на дне ванны была слишком ледяной.

Ему нужен был лучик света. Крупица тепла. Пусть самая малая — лишь бы не оставаться одному.

<http://bllate.org/book/19971/1985808>